

**АВСТРАЛИЙСКИЕ КОММУНИСТЫ И КОМИНТЕРН
В 1930-х ГОДАХ**

Кризисные явления начала XXI века, затронувшие все основные государства мира, пробудили у многих наблюдателей интерес к, казалось бы, ушедшим в прошлое идеям марксизма. В попытках найти выход из периодически возникающих экономических потрясений, имманентно присущих рыночной экономике, люди вновь и вновь пытаются непредвзято пересмотреть период существования коммунистических партий, которые ставили своей целью искоренение этих пороков. В частности, в Австралийском Союзе практически ни один из серьезных исследователей не прошел мимо этой темы в истории своей страны (см. библиографию этих трудов: . Наиболее крупной работой стала изданная в 1998 году монография профессора Мельбурнского университета С. Макинтайра под броским названием «Красные: Коммунистическая партия Австралии от истоков до нелегального положения»¹.

Что очень важно, значительная часть статей и монографий, написанных в 1990-х годах, основана на материалах Коминтерна, ставших в то время доступными для исследования. По справедливому замечанию А. Чубарьяна, подлинные «исторические документы – лучшее средство от фальсификаций»².

Хотя в советской историографии созданный по инициативе В. Ленина в 1919 г. III Коммунистический интернационал (КИ) было принято изображать как эталон солидарности трудящихся и оплот сил социального прогресса³, даже беглый обзор тщательно выверенных и отфильтрованных официальных его документов свидетельствует об ином. Это была международная организация, нацеленная на насильственный захват власти во всех уголках мира, и входящие в нее коммунистические партии, «даже самые незначительные... не могли ограничиваться пропагандой и агитацией»⁴. Напротив, согласно §36 Устава КИ, им следовало «быть готовыми к переходу на нелегальное положение» и использованию соответствующих методов работы⁵. Поэтому-то

в структуре Коминтерна особое место всегда занимали различные развед- и спецслужбы, радиоцентры и иные структуры поддержки агентурной связи⁶.

В таком контексте не удивительно, что и столь удаленная от СССР страна как Австралия (компартия в ней была создан в 1920 г.), почти сразу попала в сферу интенсивной коминтерновской разработки. В 1929 г. Исполком КИ направил в ЦК коммунистической партии Австралии (КПА) инструкционное письмо с указаниями о приоритетных направлениях партийной деятельности. Таковыми были инфильтрация в профсоюзы и другие влиятельные общественные объединения, чтобы «всеми способами привлечь австралийских рабочих на свою сторону», и организация движения безработных и молодежи, поскольку «безработица в Австралии открывает перед партией громадную сферу деятельности». В плане стратегии коммунистам рекомендовалось придерживаться «лозунга австралийского рабоче-крестьянского правительства... выдвигая на первый план борьбу под лозунгом «класс против класса»⁷.

«Резолюция о положении в Австралии и о ближайших задачах партии» от 31 октября 1932 г. следующим образом разъясняла им их главную цель: «превращение австралийской КП в массовую большевистскую партию», которая, не больше не меньше, «сможет подготовить рабочий класс к революции в Австралии». Одновременно в документе подчеркивалось, что «партийные ячейки должны работать нелегально для того, чтобы не давать предпринимателям возможности прогнать коммунистов и революционных рабочих с предприятий»⁸.

Надо сказать, если в 1920-е гг. о компартии, насчитывавшей около 300 членов, в Австралии мало кто знал, то в начале 1930-х гг. активность КПА стала достаточно заметным фактором тамошнего политического пространства. Численность коммунистов увеличилась до 4 тыс. чел. О масштабах пропагандистской работы партии можно судить по тому, что тиражи некоторых из издаваемых ею газет и журналов: «Коммьюнист Ревью», «Трибьюн», «Янг Острейлия», «Янг Уоркер», «Уокерс Уикли», «Ред Стар», «Страгл» и др., варьировались от 6 до 13 тыс. экземпляров. КПА организовала Общество друзей СССР, участвовала в разворачивавшемся в стране движении за мир. Великая де-

прессия, охватившая Австралию в конце 1920-х гг., способствовала вхождению членов партии в рабочее движение: к 1937 г. каждый четвертый коммунист занимал пост в руководстве низовых подразделений австралийских профсоюзов⁹. Более того, КПА удалось даже в какой-то мере нарушить их традиционную сплоченность. Под непосредственным ее руководством в среде профессиональных объединений рабочих было образовано Боевое движение меньшинства, в ряды которого вступили почти 3 тыс. чел. Цель его создания состояла в «организации боевых элементов» внутри профсоюзов, «чтобы политика Красного Интернационала Рабочих Союзов могла стать живой силой», активно противодействующей буржуазному порядку¹⁰.

На осуществление всех этих мероприятий требовались немалые финансы. Малочисленная КПА не могла существовать как буржуазные партии – за счет партийных взносов и пожертвований. Доходы ее членов были весьма скромными, и сумма взносов варьировалась от 3 до 6 пенсов в неделю (дополнительно раз в квартал каждый коммунист обязан был выложить 6 пенсов в качестве особого «международного сбора»)¹¹. Конечно, таким путем большие средства добыть было невозможно, и компартия Австралии завалила Москву телеграммами, лейтмотивом которых была просьба дать денег на организацию и проведение забастовок; нужды молодежной секции; партстроительство и издательские расходы; ведение судебных исков против австралийских властей; увеличение жалования партийным функционерам; карманные расходы австралийских делегатов и студентов в Москве¹².

Поскольку в период моей работы в РЦХИДНИ документы о финансовой деятельности Коминтерна продолжали оставаться закрытыми, узнать, какие реальные суммы выдавались Москвой по таким обращениям КПА, пока невозможно. Но то, что в Австралию шли немалые средства, сомнений не вызывает. Помимо различных тайных каналов субсидирования и поддержки коммунистического движения за пределами СССР, Коминтерн только в период 1928-1934 гг. истратил на эти цели по официальным данным Интернациональной контрольной комиссии КИ более 7 млн. долл. США¹³. Сумма сама по себе в те годы колоссальная.

Деньги – деньгами, но политическая деятельность требует и высокого уровня организации и, естественно, хорошо подготовленных, проверенных и, главное, управляемых исполнителей. В эпоху, когда «кадры решали все», руководство Коминтерна приложило немалые усилия по организации в СССР идеологической обработки зарубежных товарищей. Словом, руководители ВКП(б) и активисты КПА изначально были «обречены» на укрепление личных контактов. В 1930-е гг. начались регулярные визиты в «коммунистическую Мекку» лидеров КПА: Л. Шарки, Д.-Б. Майлса, Л. Поуви, С. Мейсона, Э. Докера, О. и Дж. Блейков, приезжавших в страну победившего социализма за опытом, деньгами и инструктажем. Впрочем, приезжали в Москву не только коммунисты. Руководство Коминтерна охотно приглашало сюда и левых лидеров австралийских профсоюзов, «у которых, были заметны симптомы приближения к коммунистической партии». Обычно это приурочивалось к празднованию годовщин Октябрьской революции, сопровождаемому обширной программой пропагандистских мероприятий¹⁴.

Принимали таких гостей, добравшихся в СССР нелегально, обходными путями – чаще всего через страны Балтии, по всем правилам коммунистического гостеприимства. По прибытии им предоставлялись возможности не только для работы, но и лечения и отдыха: к услугам австралийских товарищей были лучшие гостиницы Москвы – «Метрополь» и особенно «Люкс» (находился в здании на ул. Горького, 36). Для них организовывались экскурсии, поездки по стране, посещения музеев, театров, школ и т.п.¹⁵. Сроки пребывания в Советском Союзе зависели от конкретной цели визита – от нескольких дней или недель до нескольких месяцев. Представители же КПА при Исполкоме КИ могли находиться в Москве годами. В этой связи Мейсон, составивший справку о троцкистских настроениях в своей партии, даже сетовал на то, что он «слишком давно уехал из Австралии, чтобы знать конкретную ситуацию»¹⁶.

Что, однако, важнее в плане подготовки исполнителей кремлевских директив, в СССР проходила учеба активистов зарубежных компартий, которых по ее окончании обычно ждала быстрая партийная карьера: работа в ЦК, во главе крупных партийных организаций и т.п. Одним из основных центров такой

подготовки была упомянута мной Международная Ленинская Школа, действовавшая с 1925 по 1938 г., первым ректором которой, кстати, был Н. Бухарин*. Организация учебы в ее стенах весьма показательна в плане технологии и методов воспитания борцов за освобождение пролетариата.

МЛШ была открыта по решению V Конгресса КИ «относительно большевизации коммунистических партий в связи с проблемой кадров». Школа рассматривалась ее организаторами «как средство содействия секциям Коминтерна... в деле: 1) углубления организационно-политического опыта партийной работы, 2) расширения политического кругозора, 3) теоретической базы, необходимой для проникновения ленинизма в кадровые составы партий»¹⁷. Срок обучения варьировался от 9 месяцев до года, преподавание велось на английском, французском, немецком и русском языках.

Подбору преподавательских кадров уделялось самое серьезное внимание. После тщательной проверки в ее стенах работали неплохие специалисты в области языкознания, истории и общественных наук, как например, впоследствии достаточно известные в академических кругах СССР Н. Застенкер и Л. Зубок. Не менее тщательно отбирались и учащиеся. Согласно «Условиям для приема в Международную Ленинскую Школу на 1935–1936 учебный год», туда принимали по рекомендациям руководства компартий коммунистов, уже проявивших себя положительным образом и имевших опыт работы с массами, а также не менее 3 лет партстажа. Помимо возрастных ограничений – до 35 лет, препятствием для учебы членов компартий мог стать факт их службы в прошлом добровольцами «в колониальных войсках или интервенционных армиях» контакты с полицией, контрразведкой или жандармерией. Отказывали в приеме «предателям, провокаторам, шпионам, уголовникам, контрабандистам», а также тем, «кто эмигрировал из СССР после Октябрьской революции»¹⁸.

* О значимости этого учреждения в структуре Коминтерна свидетельствует тот факт, что выпускниками МЛШ были такие известные фигуры, как Э. Хонеккер, В. Ульбрихт, И. Броз Тито, Э. Мильке, Д. Сикейрос, В. Гомулка, О. Бенарио-Престес и др.

Характер будущей работы, предполагавшей участие в классовых баталиях, обусловил жесткие требования к здоровью учащихся МЛШ. Туда принимались «только физически здоровые студенты, не страдающие болезнями, требующими продолжительного лечения и препятствующими нормальному ходу занятий». По этой причине «все прибывающие на курсы подвергались медицинскому обследованию»¹⁹). На время обучения студенты обеспечивались «общежитием, питанием, постельными принадлежностями и стипендией, достаточной для минимального удовлетворения личных нужд, приобретения литературы и проч.». Приезд же членов семей слушателей не поощрялся, и средств на их пребывание в Москве практически не выделялось. Как показывает проведенный мной анализ анкет, австралийские студенты вписывались в модель идеального слушателя МЛШ: по социальному происхождению они были главным образом из рабочих; возраст – около 30 лет; образование, как правило, начальное; никакими языками, кроме родного, не владели. Правда, в 1930–1931 учебном году из планировавшихся к зачислению 6 австралийцев, в Москву прибыл только один. Но в 1932 г. в МЛШ обучалось уже 3 представителя КПА; к концу десятилетия учебу закончили 9 австралийских коммунистов²⁰.

Перечень предметов, которые изучали эти люди, полностью соответствовал цитированным ранее положениям Устава КИ. Помимо общих дисциплин и спецкурсов по теории и практике марксизма-ленинизма, он включал в себя и обязательные занятия в строго засекреченных «военных и нелегальных кабинетах», где проводилась подготовка по спецдисциплинам (тактика, техника подполья и пр.), и тренировки в военных лагерях Красной Армии. По свидетельству одного из руководителей аппарата Коминтерна В. Пятницкого, наиболее востребованным учебным пособием с конца 1920-х гг. стала книга сотрудника Разведуправления в Германии и инструктора военного аппарата КПГ А. Гайлиса «Вооруженное восстание», переизданная Исполкомом КИ²¹.

Обучение велось в обстановке строжайшей секретности. Оформление допуска к учебе шло через Секретную часть, где студенты получали новые, конспиративные имена и давали подписку о неразглашении всего того, чему и как их будут учить.

Пункт №19 инструкции «Общие правила конспирации для наших интернациональных комвузов» от 9 сентября 1930 г. в этой связи гласил: «Наименования военных и нелегальных кабинетов и их дисциплин... должны быть заменены условными терминами и ни в коем случае их действительные наименования ни внутри учебного заведения, ни во внешних сношениях фигурировать не должны»²². Студентам МЛШ не только запрещалось заводить новые знакомства, фотографироваться, рассказывать о себе товарищам по учебе, но и предписывалось прервать все старые контакты. Даже переписку с родными, перлюстрируемую в Секретной части, разрешалось вести только через условные адреса. Официально слушатели МЛШ числились рабочими-иностранцами не существовавших в действительности заводов – на сей счёт имелась договоренность между Исполкомом КИ и ОГПУ. Во всех зданиях действовала пропускная система. Возможный отъезд на родину сопровождался целым рядом условий: ехать надо было тайно, порвав предварительно все связи в СССР, кроме официальных, и прожив в «конспиративном помещении 2–3 недели в строгой изоляции от внешнего мира»²³.

Впрочем, австралийцы, не всегда, видимо, подвергавшиеся у себя дома жестким преследованиям со стороны властей, частенько нарушали правила конспирации, охотно вступая в контакты с москвичами. Руководство МЛШ принимало против этого соответствующие меры, варьируя их от перевода своих филиалов в малонаселенные районы или дачную местность до приказов «обнести забор, окружавший участок (где жили и учились слушатели из англосаксонских стран – Н.С.) тремя рядами колючей проволоки» и завести вооруженную охрану с собакой-овчаркой, «приручив ее только к вахтерам»²⁴. К слову, забота об этих четвероногих сотрудниках ВОХРы была по истине трогательной. В рапорте от 26 апреля 1930 г. «О проверке сектора “С”» – одного из секретных объектов возле платформы «Косино», официально числившегося домом отдыха МЛШ, говорилось о необходимости «построить для вахтеров контрольную будку и рядом утепленную будку для собак»²⁵.

Вообще конспирация в МЛШ была культом. «Помни: ты рискуешь своей жизнью, если полиция узнает, что ты здесь учился», – говорилось в Правилах конспирации 1934 г. – «Труд-

но скрыть от врага факт существования Школы, но партийный долг каждого из нас состоит в том, чтобы помешать врагу узнать, КТО ИМЕННО (так в тексте документа – Н. С.) учится в Школе. Некоторых из наших товарищей полиция убивала без суда, узнав, что они учились в нашей Школе». От студентов в духе указаний И. Сталина о бдительности требовалось умение затеряться в толпе москвичей: «Сдай на хранение одежду иностранного образца – оденься в советскую одежду»²⁶, – это, по мнению составителей данного документа, должно было способствовать большей организованности и безопасности их подопечных.

Между тем, упомянутый рапорт «О работе сектора “С”», наоборот, фиксировал систематические нарушения конспирации. Австралийцы, вместо того, чтобы засекретить все документы, разбрасывали повсюду «буржуазные газеты». И страшно подумать, «прием пищи производили в столовой при открытых окнах, не защищенных занавесками, что дает возможность фотографирования всех студентов или совершения террористических актов». Это всерьез пугало руководство Коминтерна, требовавшего от работников МЛШ «произвести вокруг забора искусственные насаждения деревьев или, в крайнем случае, обвить забор густым плющом, дабы по возможности скрыть доступ свободного обозрения внутренности участка. Срок – по мере роста плюща». Впрочем, как это было типично для той эпохи, строжайшая секретность функционирования МЛШ существовала главным образом на бумаге. Подтверждение тому – условия хранения в доме отдыха оружия. «Винтовки и пулеметы хранятся в маленькой каморке на 2-м этаже рядом с бельевой кладовой. Окно этой каморки железной решетки не имеет, дверь закрывается на простой внутренний замок. Все оружие доступно хищению, без особых ухищрений и приспособлений». Вдобавок «стрелкового тира сектор не имел, и учебные стрельбы производились в овраге, не защищенном от постороннего наблюдения». В этой связи не удивительно, что рапорт настоятельно предписывал «обязать через соответствующие органы милицию нести охрану запретной зоны надлежащим образом», ибо выяснилось, что вся «видимая деятельность милиционеров» свелась к аккуратным посещениям ими обедов в столовой Школы²⁷.

Как бы то ни было, чтобы быстрее привить учащимся МЛШ «революционную бдительность» и «оградить каждого студента в отдельности и коллектив в целом от вражеских «глаз и ушей», от провокаторов, шпионов и разведчиков буржуазии», слушатели Школы постоянно находились под неусыпным наблюдением своих преподавателей и кураторов. Особенно тщательно за ними присматривали во время проведения практики в военных лагерях (дабы не допустить разглашения секретов) и на производстве. В докладной о нарушении конспирации в военных лагерях от 2 июля 1934 г. заведующий отделом кадров МЛШ С. Нацов требовал от руководителей практики «прекратить доставку студентов в лагерь в военных обмундированиях, а также доставку студентов обратно из лагеря в город днем». Это нужно было делать исключительно в ночное время. Помимо того, в целях секретности предлагалось «прекратить всякие массовые игры с пением песен на иностранных языках», и, наконец, «не допускать танцев и фокстротов во время лагерей»²⁸.

Все встречи учащихся МЛШ с посторонними были строго регламентированы. Несанкционированные контакты с простыми советскими гражданами старались свести к минимуму; санкционированные ограничивались беседами с представителями политотделов, председателями колхозов, героями-орденоносцами и т.п. Цели же поездок студентов по нашей стране были чисто пропагандистские: они должны были предоставить им «прекраснейший материал, который даст возможность товарищам успешно проводить в жизнь директивы XIII Пленума ЦК ВКП(б), популяризируя успехи Советского Союза среди рабочих и трудящихся своих стран»²⁹.

Дисциплина учащихся МЛШ – отдельная тема. Перечисленные ограничения устраивали далеко не всех прибывших в СССР. Особенно это касалось коммунистов из США, Великобритании и Канады. Их недовольство порой выливалось в возмущение «полицейскими методами» администрации, изредка – в отказе от продолжения учебы. Вдобавок их поведение не всегда соответствовало нормам пролетарского интернационализма и партийной морали: постоянно имели место пьянство, «акты белого шовинизма» и «мелкобуржуазной расхлябанности». Впрочем, наибольшее раздражение сотрудников МЛШ вызывало не

столько это, сколько стремление некоторых их подопечных задавать «ненужные» вопросы, например, относительно социал-демократии или же попытки узнать больше о реальной жизни в СССР. Так, в отчете о поездке к шахтерам Подмосквовного угольного бассейна в январе 1934 г. отмечалось, что «со стороны некоторых товарищей наблюдалось вначале желание использовать свои знания русского языка несколько слишком свободно, но и это вскоре было ликвидировано»³⁰.

На этом фоне австралийцы выглядели положительно: вели себя сдержанно, не допуская грубых нарушений правил поведения в МЛШ. Отзывы преподавателей о них были, в основном, позитивные: «понимают проблемы Советского Союза», «отличаются хорошей партийной бдительностью», «принимают самое активное участие в работе кружков и общественно-политической деятельности»³¹. Такая лояльность оценивалась кураторами выше успеваемости. Наглядный пример тому – характеристика С. Морана (конспиративное имя – Д. Ричардсон), учившегося в МЛШ в 1933 г. «Вначале были трудности в понимании жесткой дисциплины. Несколько нетерпелив», – отмечал куратор. Однако уже следующая фраза все ставила на свои места: «Сделал огромный поворот и проявил политическую заостренность»³². Во всяком случае, в числе лучших студентов по итогам практики 1934 г. упоминается как раз Ричардсон и его товарищ по партии Ф. Эмери (конспиративные имена – Р. Диксон и К.-Р. Вакер). Оба они, в отличие, например, от «буйных» студентов из Ирландии и Великобритании, хорошо зарекомендовали себя во время поездки в Харьков и посещения знаменитой Коммуны им. Ф. Дзержинского для бывших беспризорников³³.

В целом организация учебы в МЛШ настолько устраивала членов КПА, что практически единственная их просьба к руководству Школы заключалась в том, чтобы преподавание было как можно более тесно увязано с проблемами рабочего и коммунистического движения в самой Австралии. В августе 1935 г. на собрании учащихся и преподавателей МЛШ Докер (в Москве учился под именем Д. Биллет) свое выступление посвятил комплиентам в адрес коммунистической *alma mater*. «Школу можно только похвалить», – говорил он. «Из 7 австралийцев, прошедших к тому времени выучку в ее стенах, лишь один подвел

своих наставников, оказавшись троцкистом»³⁴. Не случайно, что позднее австралийские коммунисты решили организовать аналогичное заведение у себя дома, прося на это денег и санкций Москвы. И то, и другое в 1936 г. было получено, после чего австралийские выпускники МЛШ начали готовить себе резерв прямо в Австралии³⁵.

На первый взгляд пропагандистская машина СССР – ВКП(б) – КИ – МЛШ поработала со стопроцентной отдачей. Австралийцы правильно восприняли достижения СССР, на них неизгладимое впечатление произвели спортивные праздники, парады юных пионеров, встречи с представителями советской общности. Своими эмоциями по возвращении домой они делились с согражданами. Так, в 1939 г. одна из лидеров комсомола Австралии О. Блейк, жившая в Москве вместе со своим мужем Дж. Блейком – представителем КПА в СССР, в одном из выступлений убеждала своих австралийских слушателей: «Товарищи, молодежь Австралии должна знать, что есть юность счастливая и свободная, юность с блестящим будущим, молодежь Советского Союза; и если они узнают правду о той удивительной стране, они наполнятся великой любовью и восхищением к СССР и его великому лидеру Товарищу Сталину»³⁶. И она, и ее супруг (один, из немногих, кто за время пребывания в СССР выучил русский язык и присутствовал на процессе своего ректора – Бухарина) до конца жизни остались верными сталинистами, испытывавшими «чувство свободы, радости и счастья, любви и преклонения перед гением Сталина»³⁷.

Однако, абстрагируясь от морального вердикта в отношении активности Коминтерна вообще и КПА в частности и рассматривая ее деятельность исключительно в функциональных категориях, приходишь к обратной оценке. Переход австралийских коммунистов в 1930-е гг. от слов и идеологических заклинаний к делу, на мой взгляд, показал, что подготовка их актива в СССР в действительности пошла во вред, прежде всего им самим. Выпускники МЛШ привезли домой все пороки и организационные издержки сталинской ВКП(б). Но то, что «работало» в условиях железного занавеса и тотального террора, не годилось для свободной страны.

В чем австралийские коммунисты действительно поднаотрели, пойдя кремлевскую выучку, так это в изживании инакомыслия в своей среде, организации разного рода чисток от уклонистов. Что по достоинству было оценено руководством Коминтерна, отметившего «решительную и беспощадную самокритику, практикуемую австралийской компартией... это большое преимущество, которое австралийским товарищам не следует выпускать из своих рук»³⁸. Рутинной практикой стали поездки в Москву, во время которых Эмери, Майлз и Докер возлагали друг на друга ответственность за политические провалы КПА, например, на всеобщих выборах; жаловались, на многочисленные объективные и финансовые трудности; обвиняли своих товарищей по партии в буржуазном перерождении, ибо «большинство функционеров КПА с улучшением экономической ситуации в стране вернулись на свои рабочие места, ограничиваясь работой в профсоюзах»³⁹.

В остальном же успехи агентов советского влияния были не столь впечатляющи. Так, в Австралии, с ее англосаксонской демократической культурой политики, коммунисты стали практиковать идейно-политическую нетерпимость не только в отношении явных оппонентов, но и потенциальных союзников — представителей левой части политического спектра: социал-демократии, религиозных объединений и пр. Особенно ярко это проявлялось в работе с молодежью. КПА прилагала все силы для создания комсомола и пионерской организации по образу и подобию их советских аналогов. Но к концу 1930-х гг. численность комсомольцев в Австралии не превышала 300 человек. Как явствует из справки «Австралийское движение молодежи» от 22 февраля 1938 г., все попытки создать массовый Коммунистический союз молодежи Австралии со строгой дисциплиной, обязательным исполнением предписанных уставом собраний, обязанностью покупать и читать газету «Янг Уоркер», платить членские взносы и т.п. провалились. В наибольшей степени расширению влияния компартии в молодежной среде препятствовала культивируемая враждебность к другим молодежным движениям, сотрудничать с которыми комсомольцы могли только с целью добиться «полной перестройки или ликвидации этих организаций». Ситуацию принципиально не изменил и поворот 1937 г. к новой,

более открытой политике – переход от тайных собраний к спортивно-массовой работе, проведению танцевальных вечеров, пикников по выходным дням, а также чтению лекций о жизни в СССР, международном положении⁴⁰.

Не способствовали популярности КПА и ее «колебания вместе с генеральной линией» Коминтерна. В частности, в начале 1930-х гг. коммунисты, не жалея сил и средств, боролись с местными «социал-фашистами», на должность которых были назначены лейбористы. Но вот в 1935 г. состоялся VII конгресс Коминтерна, и партия сделала резкий поворот на 180° в сторону единого фронта с теми, кого вчера клеймила как предателей рабочего дела и главных врагов трудящихся. Началась авральная коррекция всех программных документов КПА и курируемых ей организаций. Оттуда, как по мановению волшебной палочки, исчезли не только радикальные призывы к классовой борьбе, но и определение «пролетарский», уступившее место термину «интернациональный». Даже ключевое слово «социализм» было заменено словом «демократия»⁴¹.

Еще больший удар по политическому капиталу КПА нанесло подписание в 1939 г. пакта Молотова – Риббентропа. Коминтерн отреагировал на эти дипломатические шаги советского правительства мгновенной сменой курса: начавшаяся мировая война была объявлена империалистической, и все компартии были обязаны поддержать инициативы СССР и не участвовать в антифашистской борьбе, то есть фактически выступить против стран, уже боровшихся с фашизмом на полях военных сражений. Для австралийского общества, сохранявшего самые тесные связи с Великобританией, такая политическая линия выглядела особо неприемлемой.

Тем не менее, руководство КПА защищало пакт, хотя, как считали в Кремле, и не так активно, как требовалось, «глядя на вопрос этот слишком с австралийской, а не с интернациональной точки зрения, отразив, таким образом, некоторое влияние британского империализма на рядовых членов КП Австралии». Последняя ремарка в действительности означала, что многие рядовые коммунисты заняли «неправильную позицию», увидев в Польше жертву германской агрессии, и поддержали антигитлеровские выступления глав правительств Австралии и Велико-

британии⁴². Возникшее в связи с этим замешательство в рядах КПА привело к тому, что в партию покинули не только многие рядовые коммунисты, но и некоторые популярные на региональном уровне лидеры. Впрочем, и для преданных сталинистов настали трудные времена, поскольку с началом военных действий и без того ненадежное сообщение с Москвой практически прервалось, так что им неоткуда было узнать «какой должна быть их позиция»⁴³.

Естественно, подобные результаты политической деятельности КПА не могли удовлетворить Кремль, и руководство Коминтерна, действуя в своем конспиративном стиле, поручило канадскому коммунисту Т. Юэну составить доклад о положении дел в Австралии. В 1939 г. он представил секретный обзор-анализ деятельности австралийских коммунистов, вскрывавший их просчеты и ошибки, первопричиной которых была «синдикалистская идеология и сектантские методы работы». Вследствие этого авторитет КПА падал и «независимая роль партии – в профсоюзах, антифашистском движении, движении за мир и на местах в целом – была практически равна нулю». Далее последовало обвинение Шарки и Майлса в непонимании момента: «они не всегда верно излагали текущую ситуацию в своих статьях и выступлениях»⁴⁴. А такие вещи, выражаясь словами заведующего англо-американским ландсекретариатом Коминтерна С. Гусева, курировавшего Австралию, как минимум, «заслуживали политического расстрела и исключения из партии»⁴⁵.

Подобные заявления коминтерновского руководства в то время могли дорого стоить критикуемым. Но от наказаний и массовых репрессий КПА, по мнению австралийских историков, скорее всего, спасла ее малочисленность, а также удаленность Австралии от Москвы⁴⁶. А начавшаяся вскоре Великая Отечественная война, которая превратила СССР в союзника Великобритании, и роспуск Коминтерна в 1943 г. в определенной мере реабилитировали коммунистов на политической сцене Австралии, откуда они могли бы полностью исчезнуть, если бы продолжили так же упорно использовать полученные в 1930-е гг. в Москве знания и навыки.

К сожалению, история далеко не всегда и не всех учит. Некоторые бывшие активисты КПА к концу своей жизни осоз-

нали, что «никогда в Австралии не было места для коммунистической партии», а их усилия на ниве разжигания мировой пролетарской революции были «потерей времени» Но остались и те, для кого по-прежнему живы идеалы их молодости и они готовы повторить все сначала – невзирая ни на что. «Отстаивание того, во что ты веришь – это единственное, ради чего стоит жить», – их кредо⁴⁷.

Надо сказать, что симпатии к коммунизму живут не только в сердцах его сторонников, но и в умах многих современных ученых. Свидетельство тому – те публикации австралийских авторов конца XX века, о которых упоминалось в начале статьи. Нисколько не отрицая вклада КПА в развитие леворадикальных течений в АС и отдавая отчет в многоплановости любого исторического феномена, осмелюсь настаивать на своём. И само существование КПА, и особенно успехи, достигнутые этой партией в политической жизни своей страны, восходят к тесным связям, существовавшим в 1920–1930-х годах между ней и Коминтерном. Но они же стали причиной того, что КПА никогда не смогла заменить АЛП в качестве выразителя истинных интересов рабочих Австралии. Фонды архивов, сохранившие голоса коммунистов 1930-х годов, свидетельствуют именно об этом.

¹ Macintyre S. The Reds: The Communist Party of Australia from Origins to Illegality. St. Leonards, 1998.

² Чубарьян А.О. Доступ к архивам – лучшее средство от фальсификации // Новая газета. 2009. 6 июля., с.9

³ Например [Коммунистический...1969; Лейбзон, Шириня, 1975

⁴ 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. М.–Л., 1929., с. 61

⁵ Коммунистический Интернационал. Программа и устав Коммунистического Интернационала. М., 1935, с. 125

⁶ Коминтерн и вторая мировая война. М., 1994. Часть 1., с. 52

⁷ РЦХИДНИ, ф.495, оп.20, д.3, л.3, 5

⁸ РЦХИДНИ, ф.495, оп.20, д.3, л.185, 202

⁹ Davidson, 1969, p. 64, 73; Saunders, Summy, 1986, p.24

¹⁰ РЦХИДНИ, ф.534, оп.7, д.4, л.117

¹¹ Communist... 1938, p. 6; O'Lincoln, 1985, p. 37–38

¹² РЦХИДНИ, ф.534, оп.7, д.4, л.55; ф.495, оп.14, д.302, л.5–7, 59–60

- ¹³ Коммунистический... 1935, с.597, 601
- ¹⁴ РЦХИДНИ, ф.495, оп.14, д.302, л.69
- ¹⁵ РЦХИДНИ, ф.495, оп.14, д.309, л.3
- ¹⁶ РЦХИДНИ, ф.495, оп.14, д.303, лл.51–53
- ¹⁷ РЦХИДНИ, ф.495, оп.20, д.865, л.1
- ¹⁸ РЦХИДНИ, ф.495, оп. 20, д. 865, л. 266
- ¹⁹ РЦХИДНИ, ф.495, оп.20, д.865, л.4
- ²⁰ РЦХИДНИ, ф.495, оп.20, д.865, л.10
- ²¹ Пятницкий В. Заговор против Сталина. М., 1998., с. 219–221 В открытых фондах РЦХИДНИ содержатся материалы исключительно о подготовке, агентов политического влияния СССР. Некоторые из них становились советскими шпионами. Об этой стороне деятельности ряда членов КПА см. [Ball, Horner, 1998, p. 220–231].
- ²² РЦХИДНИ, ф.531, оп.1, д.52, л.4
- ²³ РЦХИДНИ, ф.531, оп.1, д.52, л.2–6, 10
- ²⁴ РЦХИДНИ, ф.531, оп.1, д.52, л.22–23
- ²⁵ РЦХИДНИ, ф.531, оп.1, д.52, л.23
- ²⁶ РЦХИДНИ, ф.531, оп.1, д.52, л.37
- ²⁷ РЦХИДНИ, ф.531, оп.1, д.52, л.23–25
- ²⁸ РЦХИДНИ, ф.531, оп.1, д.52, л.32
- ²⁹ РЦХИДНИ, ф.531, оп.1, д.172, л.8
- ³⁰ РЦХИДНИ, ф.531, оп.1, д.172, л.2, 9
- ³¹ РЦХИДНИ, ф.495, оп.186, д.21, л.5
- ³² РЦХИДНИ, ф.495, оп.189, д.21, л.5
- ³³ РЦХИДНИ, ф.531, оп.1, д.172, л.17, 22; д.173, л.8; ф.495, оп. 186, д.3, л.13
- ³⁴ РЦХИДНИ, ф.531, оп.1, д.171, л.30
- ³⁵ Macintyre, 1998, p. 349–351
- ³⁶ РЦХИДНИ, ф.533, оп.10, д.1, л.167
- ³⁷ Macintyre, 1998, p. 376
- ³⁸ РЦХИДНИ, ф.495, оп.72, д.155, л. 4, 7
- ³⁹ РЦХИДНИ, ф.495, оп.14, д.309, л. 20–40, 49, 86–90
- ⁴⁰ РЦХИДНИ, ф.533, оп.10, д.1, л.105–129
- ⁴¹ РЦХИДНИ, ф.533, оп.10, д.2, л.3
- ⁴² РЦХИДНИ, ф.495, оп.14, д.312, л.34
- ⁴³ Davidson, 1969, p. 79
- ⁴⁴ РЦХИДНИ, ф.495, оп.14, д.308, л.55–59
- ⁴⁵ РЦХИДНИ, ф.495, оп.72, д.155, л. 20
- ⁴⁶ O’Lincoln T. Into the Mainstream. Sydney, 1985, p.41
- ⁴⁷ The Bulletin. 1993, 28 September. P.28

Список литературы

- 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. М.–Л., 1929.
- Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969.
- Коммунистический Интернационал. Программа и устав Коммунистического Интернационала. М., 1935.
- Коминтерн и вторая мировая война. М., 1994. Часть 1.
- Лейбзон Б.М., Шириня К.К.* Поворот в политике Коминтерна. Историческое значение VII конгресса Коминтерна. М., 1975.
- Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
- Пятницкий В.* Заговор против Сталина. М., 1998.
- Чубарьян А.О.* Доступ к архивам – лучшее средство от фальсификации // Новая газета. 2009. 6 июля.
- Ball D., Horner D.* Breaking the Codes. Australia's KGB network, 1944–1950. St. Leonards, 1998.
- Communism in Australia. A Resource Bibliography. Comp. by B. Symons with A. Wells and S. Macintyre. Canberra, National Library of Australia. 1994.
- Communist Party of Australia. Constitution and By-Laws. Sydney. 1938.
- Davidson A.* The Communist Party of Australia. Stanford, 1969.
- Macintyre S.* The Reds: The Communist Party of Australia from Origins to Illegality. St. Leonards, 1998.
- O'Lincoln T.* Into the Mainstream. Sydney, 1985.
- Saunders M., Summy R.* The Australian Peace Movement: A Short History. Canberra, 1986.
- The Bulletin. 1993, 28 September.